

Лицо Чжао Цзинмина побелело, он и не думал, что Чжао Цзинцин, обычно робкий как мышь, посмеет такое вымолвить. Он заплакал, пытаясь оправдаться:

-Братец, я правда хотел для тебя добра, это не то, что ты подумал, как ты мог так подумать обо мне...

-Мама! Седьмой дедушка пришел! - звонкий, юношеский голос раздался из-за толпы, прерывая плач Чжао Цзинмина.

Толпа зевак расступилась, пропуская дорогу. Юноша, поддерживая седовласого старейшину, подошел.

Юань Му сказал:

-Седьмой дедушка, простите, что потревожили вас так поздно, но Цзинцин действительно плохо себя чувствует, нельзя медлить. Седьмой дедушка, пожалуйста, сначала осмотрите его.

Седьмой дедушка практиковал медицину несколько десятков лет, был опытным и искусным, известным в округе народным лекарем, его искусство врачевания все признавали.

-Не стоит об этом говорить, лечение важнее. - Седьмой дедушка приблизился к Чжао Цзинцину, его иссохшие, как сухие ветки, пальцы легли на тонкое запястье юноши. Он прищурил глаза, его выражение лица стало сосредоточенным. Лишь спустя некоторое время он отпустил руку.

Затем он осмотрел глаза и язык Чжао Цзинцина, спросил, где именно у него дискомфорт и какой степени, и только после этого сделал вывод:

-Этот юноша принял «мягкий мышечный расслабляющий» порошок. Это зелье неядовитое, оно лишь лишает принявшего его человека сил. Но доза, которую он принял, велика, действие проявилось резко и сильно, что особенно вредит телу. В будущем нужно хорошо подкреплять организм.

Юань Му кивнул:

-Благодарю вас, Седьмой дедушка.

Отец Чжао, до сих пор молчавший, был бледен, с его лба градом катился пот. Половина миски рисового супа, оставшаяся в комнате Цзинмина, не была выброшена, а чтобы не пропадать зря, он разогрел и съел ее.

Симптомы отравления полностью совпали с теми, о которых только что спрашивал у Цзинцина

Седьмой дедушка. Он сначала подумал, что это из-за возраста, что устал за день, выдавая замуж двух сыновей, принимая гостей, бегая туда-сюда.

Как же он мог подумать, что это из-за зелья? Взгляд Чжао, полный гнева, скользнул по матери и сыну, Ли Чанцзюй и Чжао Цзинмину.

Отец Чжао повернулся к Чжао Цзинцину, гнев в его глазах исчез, сменившись заботой и мольбой старейшины:

-Цин-эр, в этом деле виноваты твоя мать и младший брат, я заставлю их извиниться перед тобой. Давай поступим, как говорит семья Юань: Мин-эр выйдет за Пэй Сианя, а ты выйдешь за Юань Му. Я знаю, ты сердишься, вернувшись, я проучу твою мать. Только не упрямясь, не держи зла, зачем семье доводить дело до такого, становясь посмешищем? Пусть все так и останется, не придавай значения проступкам твоей матери и младшего брата, хорошо?

Слова были мягкие и добрые, но, слушая их, Чжао Цзинцин почувствовал, как у него замерзает сердце.

Он всегда был таким: говорил красивые слова, всегда уговаривал его не придавать значения, не поднимать шум, чтобы не стать посмешищем. Но как же обиды, которые он претерпел?

Они просто легкомысленно переворачивали страницу.

Чжао Цзинцин молчал. Ли Чанцзюй и Чжао Цзинмин вздохнули с облегчением: раз отец Чжао заговорил, нечего бояться, что Чжао Цзинцин покорно не подчинится.

Юань Му повернулся и опустил взгляд, видя лишь низко опущенную голову Чжао Цзинцина и побелевшие костяшки пальцев, сжимавших красное свадебное платье. Мачеха и младший брат с таким характером, а отец, человек, который везде приказывал ему уступать, - его положение было легко представить.

Юань Юэ, слушая слова отца Чжао, чувствовала тошноту. Что это значит?

«Я знаю, тебе обидно, потерпи еще немного, лицо важнее всего».

А почему не присмотришь за женой и детьми, не дашь им совершить такие мерзкие поступки?

Юань Юэ гневно нахмурила брови, уже собираясь заговорить, указывая на Чжао, но слова застряли на губах, когда Линь Цуйе остановила ее.

Линь Цуйе опустила взгляд, давая знак посмотреть на Чжао Цзинцина: это он должен сказать сам.

Юань Юэ пришлось сдерживать гнев и с надеждой посмотреть на Чжао Цзинцина.

Опущенные глаза Чжао Цзинцина были полны отрешенности. Спустя долгое время он поднял голову и увидел разные выражения на лицах окружающих. Его взгляд остановился на широкой груди Юань Му и крепких мускулистых руках.

-Она мне не мать, моя мать давно умерла, у меня нет младшего брата, моя мать не рожала мне младшего брата. - сказал Чжао Цзинцин.

Негромко, но так, что все, ждавшие его ответа, могли услышать.

Ли Чанцзюй и Чжао Цзинмин чуть не попадали замертво от злости.

Ли Чанцзюй принялась ругаться:

-Бесстыжая тварь, неблагодарная! Я тебя кормила, поила, ни в чем не отказывала! А ты меня так проклинаешь, я убью тебя!

Нахмуренные брови Юань Му слегка расслабились, он встал перед Чжао Цзинцином, гневно глядя на Ли Чанцзюй.

Взмахнутая рука Ли Чанцзюй замерла, только что упав и ушибшись, она все еще болела. Ли Чанцзюй не посмела снова приблизиться, нехотя опустила руку, осмеливаясь лишь кричать и ругаться.

Отец Чжао, вне себя от гнева, крикнул:

-Довольно! Заткнись, тебе мало позора?

Ли Чанцзюй украдкой взглянула на него и отступила назад, затаив в сердце ушат злости.

Чжао Цзинцин разжал сжатые пальцы и сказал лишь Чжао:

-Отец, я согласен на замену жениха. Я не выйду за Пэй Сианя, я выйду за Юань Му. Свадебные дары от семьи Пэй: два ватных одеяла, набор из кистей, туши, бумаги и тушечницы, кувшин гаоляновой водки. Верните их ему.

Ватные одеяла Ли Чанцзюй оставила себе, набор для каллиграфии - младшему сыну, учащемуся в школе, гаоляновую водку - отцу Чжао, ни крошки не досталось ему.

Юань Му вытащил список свадебных даров:

-Один стол «Восемь Бессмертных», четыре длинные скамьи, одна кровать с деревянным каркасом... Одна поварешка, десять мисок, десять маленьких тарелок... плюс две ляна наличными. Все верните мне, свадебные дары для Цзинцина будут другими.

Перед глазами отца Чжао потемнело:

-Многие из них уже использовались сегодня...

-Ничего, компенсируйте деньгами, я куплю новые. - сказал Юань Му.

Ли Чанцзюй уже собралась поднять скандал, но Чжао Цзинмин дернул ее за край одежды, с красными глазами глядя на нее и качая головой, да и отец Чжао гневно на нее посмотрел, пришлось проглотить слова.

-Раз Цзинцин выходит замуж в вашу семью, - Ли Чанцзюй из последних сил подбирала хорошие слова, - наш Цзинцин с хорошим характером, да и в работе мастер на все руки, еще и умеет делать и продавать тофу, стоит ваших свадебных даров.

Юань Му покачал головой:

-Это разные вещи, нельзя их смешивать.

Отец Чжао подумал немного и сказал:

-Зять, давай пойдем на взаимные уступки. Большие вещи вроде стола, скамеек, кровати - новые, вернем тебе. Горшки, миски, ковши - уже использовались, вам, молодой паре, не годится пользоваться старыми, пусть будут свадебными дарами для Цзинцина, как скажешь?

Юань Му кивнул: кроме той поварешки, все остальное не стоило и гроша.

-Хорошо, но две ляна серебра тоже нужно вернуть.

Отец Чжао на мгновение замер, но в конце концов согласился:

-Хорошо.

Когда наконец все выяснили, Юань Му тут же велел пригласить старосту деревни, составили расписку, все три семьи поставили отпечатки пальцев.

Чтобы избежать дальнейших осложнений, Юань Му позвал нескольких братьев из своего рода и собрался идти с отцом Чжао обратно в Утунли за вещами.

Он повернулся к Чжао Цзинцину, приоткрыл рот, но в конце концов слова были обращены к Линь Цуйе:

-Мама, ты позаботься о Цзинцине.

-Не волнуйся, иди. - ответила Линь Цуйе.

Прошла большая часть ночи, и люди, собравшиеся во дворе семьи Пэй, наконец разошлись. Ли Чанцзюй с досадой бросила на Чжао Цзинмина взгляд, полный злости, и, вне себя от гнева, ушла вслед за старшим Чжао.

Чжао Цзинмин, теребя пальцы, с покрасневшими глазами, растерянно смотрел на Пэй Сианя.

Это дело с подсыпанием зелья и подменой жениха в конце концов, после того как отец и мать пошли на уступки, прикрыли его. Но на самом деле любой, у кого есть мозги, понимали, что это он сделал. Не хватало лишь проткнуть оконную бумагу, чтобы сорвать с него маску.

Первоначально план был хорошо продуман, кто же знал, что семья Юань, добившись своего, не уступит, а Чжао Цзинцин не станет сносить обиды молча! Расстроил его хорошее дело.

Пэй Сиань взял его за руку, уголки его губ дрогнули:

-Пошли в дом.

Чжао Цзинмин тайно вздохнул с облегчением и крепко сжал руку Пэй Сианя.

В то же время Линь Цуйе и остальные забрали Чжао Цзинцина обратно в дом Юань. Во дворе столы и скамьи стояли в беспорядке, их еще не убрали, но красные иероглифы «счастье», наклеенные на стенах и окнах, а также красная материя, свисающая с карнизов, показывали, насколько важной и желанной для семьи Юань была женитьба Юань Му.

Кто бы мог подумать, что это обернется таким фарсом.

Будучи главным действующим лицом этого фарса, он был не тем женихом, которого хотела заполучить семья Юань.

Чжао Цзинцин опустил глаза, губы его были сжаты, сердце висело без опоры, охваченное страхом перед неизвестным будущим.